

НА ОЛИМПЕ

Королевское филармоническое общество в Лондоне назвало ее «певицей 1994 года»! Но отечественное, может быть, еще публично не высказанное — «первая «звезда» Мариинского театра в классе сопрано», каковой Галина Горчакова сегодня является де-факто, — звучит не хуже.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНИЦА

И при беглом знакомстве в ней угадывается воля. Сверх того — красива, победительно уверенна в повадках. Определенно знает себе цену и, кажется, в любой момент готова очертить возле себя круг недостижимости. Первый образ, который является на ум для сравнения, — гордая полячка Мнишек. И первый сюрприз — сама она видит наиболее аутентичной себе «онегинскую» Татьяну. Что ж, значит, «вся как на ладошке» — не о ней... Ее взлет кажется стремительным, профессиональная жизнь — цепью закономерных событий. Она же — и вот другой сюрприз — склонна считать свой путь к петербургской сцене слишком затянувшимся, а то, что было до нее, — потерей времени.

Между тем до нее, до Мариинки, были музыкальная школа, музыкальное училище, короткое увлечение драмой, сменившееся убеждением, что опера сильнее. Была неудачная попытка поступления в Московскую консерваторию и удачная — в родную Новосибирскую, которую она окончила в 1988 году. В том же году оказалась в Свердловской опере, но прежде прошла через испытание под названием «актерская ярмарка», где, как и все, просила, разумеется, на языке Верди, Пуччини, Чайковского: «Возь-

риода», Горчакова с благодарностью помнит...

Все, что ей предложили поначалу в Мариинке, — это разовые спектакли. Так два года она и ездила в Ленинград гастролершей, продолжая работать в Свердловске. Сначала спела «Князя Игоря», потом «Трубадура», потом «Пиковую даму» — и это была неудача. Прошел почти год, прежде чем она вышла, нет — ворвалась на сцену Мариинского театра вновь.

Ее Рената в «Огненном ангеле» была подобна взрыву. Какой парадокс! Партия, встречи с которой, если бы не настойчивость Гергиева, она предпочла бы избежать — к вокальной музыке XX века ее не тянет и по сей день, партия, сделанная без любви (а без любви и тривиальное препятствие берется с трудом — чего же стоило ей освоение невероятно сложного по вокальному языку прокофьевского образа?), партия, после падения занавеса оборачивающаяся для нее не благодатной усталостью, а глубочайшим опустошением, эта партия, похожая на притягательно-страшную бездну, исторгла на свет ослепительную «звезду». С тех пор прошло три с небольшим года.

Она прожила их с жадностью. Умирала со скуки, если

мите меня!». Но брали других. Та обида не стерлась до конца и поныне... Здесь можно воскликнуть: «Эх, проглядели!», а можно поискать и какую-нибудь закономерность.

Случайность, нет ли, но начало настоящего, «питерского», успеха Горчаковой приходится как раз на время, когда ее муж (и коллега) сказал: «Нет, это все не то!» и стал заниматься с ней сам. Что, если это «не то» слышал в стартовые для Галины годы не он один?.. В ее голосе и сегодня находят несовершенства, но куда больше — достоинств, каковые и одаривают самыми превосходными эпитетами. И если среди них можно встретить такой — «самодовольное» сопрано, то речь о довольстве, которое зиждется не на самоуверенности полученного от природы дара, а на незаурядной способности к развитию — «лучащийся», «жемчужный», «царственный» голос, стоящий сегодня дорогого, дался его обладательнице немалыми трудами.

Что же до природных даров, то сама она признает таковым в себе артистизм (должно быть, унаследованный от родителей — актеров Новосибирского театра оперы и балета). Но иногда задается вопросом: попади она в величественно-парадные стены императорского Мариинского театра сразу после консерватории, не оделся бы тот артистизм в жесткие латы комплексов и штампов? Но на пути ее случился Свердловская опера.

Она еще застала здесь ту компанию во главе с Александром Тителем, которой удавалось в течение десятка лет притягивать взгляды опероманов страны к провинциальному уральскому театру. В его кипящем творческом котле из вокалистов «выплавливались» актеры, из череды концертных номеров — захватывающие музыкальные спектакли. Такой режиссерский, или авторский, оперный театр ей был не близок и мало выезжавший — себя показать, с чужим опытом познакомиться, — уже через год стал ей «тесен». Уловив предвестие личной остановки, она и отправилась, с «подачи» ленинградского режиссера Юрия Александрова, на пробу в Мариинский (тогда еще Кировский) театр. Но то, что своей артистической свободой, позволяющей ей сегодня говорить: «Меня хоть вниз головой на сцену ставь — мне все равно», она обязана Свердловской опере «тителевского пе-

где-нибудь в Кельне приходилось петь спектакли раз в пять дней. И расцветала в Петербурге, окунаясь после «курорта» зарубежных гастролей в сумасшедший темпо-ритм, заданный мариинцам Гергиевым. Едва сойдя с трапа самолета, бежать на мизансценическую репетицию, на другой день — на оркестровую, потом на генеральную, спеть премьеру, а сразу после нее «обычный» спектакль, утром следующего дня сделать запись, вечером выйти на второе премьерное представление — вот это по ней! Должно быть, поэтому два-три (всего-то лишь) года неспешного пути к Мариинскому театру и казались ей вечностью.

Она спела здесь немало партий и спела с разным успехом — что ж, голос не машинка, артист не беспристрастный работник на конвейере, но нигде не была заурядной. Ее Лиза, похоже, так и не «вписалась» в специфический мир темиркановской постановки, зато Волхова и псковитянка Ольга вышли хороши. Татьяна не стала откровением, несмотря на «родственные отношения» с исполнительницей, Горислава получилась спорной, а вот лучшую Февронию и представить трудно. Последняя работа певицы дома, мадам Баттерфляй, как будто не произвела фурора (но обещание его, свидетельствуют очевидцы, читается), между тем та же ее Баттерфляй на мировом рынке имеет необычайный спрос. Горчакова спела эту партию в Хьюстоне, Лос-Анджелесе, минувшим декабрем дебютировала ею в «Метрополитен-опере», в январе будущего года приглашена с ней в «Ла Скала». С Чио-чио-сан по международной популярности, кажется, начинает соперничать ее же, Горчаковой, Тоска, на которую уже «сделали заказы» «Ковент-Гарден», Хьюстонская опера, Опера Бастиль и «Мет».

...В Италии ее недавно сравнили с Марией Каллас. Это имя называет и она сама, когда ее спрашивают о кумирах. Но обязательно уточняет: «Каллас не кумир, а мой идеал». Существенный нюанс. Первому — поклоняются. Ко второму — стремятся, Горчаковой ближе это. Должно быть, потому что стремительность и целеустремленность — ее стиль.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

● Рената. «Огненный ангел».

Фото Ю. Ларионовой.